

ИНТЕРВЬЮ, ЭССЕ

УДК 81'22. ББК Ч105.
ГРНТИ 17.82.40. Код ВАК 10.01.08 (5.9.3)

«ОН БЫЛ ДЛЯ НАС ЕДИНСТВЕННЫМ ПРОФЕССОРОМ...»: Ю. М. ЛОТМАН – ПЕДАГОГ И УЧЕНЫЙ

Белобровцева И. З.

Таллиннский университет (Таллинн, Эстония)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1619-4642>

А н н о т а ц и я. Представлено интервью с И. З. Белобровцевой, характеризующее личность Ю. М. Лотмана, значение его работ для структурной семиотики в литературоведении XX в. Ирина Захаровна Белобровцева – эстонский литературовед, доктор филологических наук, профессор по русской литературе Института гуманитарных наук Таллиннского университета, лауреат Государственной премии Эстонии по науке. Сфера научных интересов – русская литература и культура XX–XXI веков, эстонская литература и культура, русская литература Эстонии. Автор книг: «Над чистым листом в одиночку и с надеждой: статьи о современной эстонской литературе» (1987), «Читаем поэзию вместе: Пособие для преподавателей» (1994), «Роман Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита”: конструктивные принципы организации текста» (1997), «Роман Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита”. Комментарий» (в соавторстве с С. Кульяс, 2004, 2006, 2007), «Образ “малого врага”: Прибалтика и Польша в зеркале советской карикатуры (1918–1940)» (в соавторстве с Д. Всевиовым, А. Данилевским, 2014), «Леонид Зуров. В тени Бунина» (2020) и др.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семиотика; современное литературоведение; тартуская школа; литературоведы.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Белобровцева, И. З. «Он был для нас единственным профессором...»: Ю. М. Лотман – педагог и ученый / И. З. Белобровцева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 68–72.

“HE WAS THE ONLY PROFESSOR FOR US...”: Yu. M. LOTMAN – TEACHER AND SCHOLAR

Irina Z. Belobrovtsseva

Tallinn University (Tallinn, Estonia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1619-4642>

Abstract. The article presents an interview of I. Z. Belobrovtsseva, characterizing the personality of Yu. M. Lotman as well as the significance of his works for structural semiotics in literary criticism of the 20th century. Irina Zakharovna Belobrovtsseva is an Estonian specialist in literary studies, Doctor of Philology, Professor of Russian Literature at the Institute for the Humanities of Tallinn University, Laureate of the Estonian State Prize in Science. Her research interests are Russian literature and culture of the 20th – 21st centuries, Estonian literature and culture, Russian literature of Estonia. She is author of the following books: “Over the Blank Page Alone and with Hope: Articles on Contemporary Estonian Literature” (1987), “Reading Poetry Together: A Guide for Teachers” (1994), “Mikhail Bulgakov’s Novel “Master and Margarita”: Constructive Principles of Text Organization” (1997), “Mikhail Bulgakov’s Novel “The Master and Margarita”. Commentary.” (co-authored with S. Kulyus, 2004, 2006, 2007), “The Image of a “Small Enemy”: the Baltic States and Poland in the Mirror of Soviet Caricature (1918–1940)” (co-authored with D. Vseviiov, A. Danilevsky, 2014), “Leonid Zurov. In the Shadow of Bunin” (2020) and others.

Key words: semiotics; modern literary studies; Tartu school; literary studies specialists.

For citation: Belobrovtsseva, I. Z. (2022). “He Was the Only Professor for Us...”: Yu. M. Lotman – Teacher and Scholar. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 1, pp. 68–72.

Общались ли Вы с Юрием Михайловичем лично? Какая черта/черты в его личности (характере, поведении, манере держаться...) ка-

жется Вам доминирующей? Что производило впечатление (удивляло/восхищало/смущало...)? Чувствовалась ли внешне или внутренне ди-

станция между Вами и Юрием Михайловичем? Запомнились ли его характерные выражения, жесты, привычки? В чем заключался его талант и обаяние преподавателя?

И.Б.: Этот ответ впору начинать цитатой из «Собачьего сердца», где пес Шарик думает: «Так свезло мне: так свезло... просто неопишимо свезло». Юрий Михайлович был моим преподавателем еще даже раньше первого курса. В те поры для поступления на филологию надо было среди прочего писать сочинение на заданную тему. Вот как раз темы и «задавал» вошедший в непривычную нам, вчерашним школьникам, аудиторию в виде амфитеатра невысокий усатый человек в голубой, как тогда говорили, бобочке. И только поступив на первый курс, мы толком поняли, хотя и не совсем, что этим иронично-улыбчивым человеком был Юрий Михайлович Лотман.

Оглядываясь сегодня на те годы, я понимаю, что он был необыкновенно щедрым ученым и преподавателем, нашему курсу он читал и Древнюю русскую литературу, и Русскую литературу XVIII века, и первую половину XIX-го, и Теорию литературы. Ну, и конечно, мы ходили на его спецкурсы по вечерам, где собирались студенты всех возрастов, – спецкурсы по творчеству Пушкина, Гоголя, семиотике кино...

Конечно, мы сразу уяснили, что перед нами человек обширных знаний, энциклопедист. Но ему своих знаний было мало – он совершенствовал французский с помощью Ларисы Ильиничны Вольперт, выдающейся шахматистки и французского филолога, для которой в ту пору не находилось работы в Тартуском университете (потом она преподавала, и тут повезло студентам намного младше нас), а поскольку он считал, что гуманитарные науки должны сближаться с точными, чтобы избежать импрессионистских суждений и оценок, то однажды с гостевым лектором, Владимиром Андреевичем Успенским, мы, и сам ЮрМих, конечно же, изучали основы высшей математики, а брат В. А. Успенского и многолетний соавтор Лотмана, Борис Андреевич Успенский, прочитал нам курс «Семиотика иконы». Не буду перечислять всех гостевых лекторов и все курсы лекций – это просто примеры того, с каким охватом разных областей науки следовало,

по мнению Лотмана, изучать филологию.

Конечно, дистанцию мы ощущали, долгое время для нас синонимом его имени было слово «профессор». Его нужно писать с прописной буквы – он был для нас единственным Профессором. Так что дистанцию невозможно было не ощутить, но ощущали мы ее именно что внутренне – сам ЮрМих был неизменно демократичен, всегда разговаривал со студентами на равных, но никогда – панибратски. И оценки в сессию ставил тоже вполне демократично: получить у него тройку или четверку было легче легкого и быстрее быстрого, но стоило войти в аудиторию студенту, от которого он ждал отличного ответа, и ЮрМих начинал серьезный разговор по билету, по прочитанному лектору и наиболее важным работам по теме, и тут уже десятью минутами дело не обходилось.

Он был человек веселый, со своим особым смехом, который так хорошо слышат внутренним слухом все его студенты до сих пор, был заводным, азартным. Чтобы это не звучало простым перечислением, расскажу, как однажды на лекции он, зная «Евгения Онегина» наизусть и уже в это время (хотя мы того и не знали) составлявший свой знаменитый комментарий к пушкинскому роману, сказал – вот, все только и твердят, что Пушкин самый понятный поэт, а на деле мало что понимают. Давайте, сказал он, заключим пари: вы не ответите на три моих вопроса по роману. Возмущенные, мы закричали: «Да, да, пари!».

Итак, первый вопрос был по строкам:

И хлебник, немец аккуратный,

В бумажном колпаке, не раз

Уж отворял свой васисдас.

Мы переглянулись и – промолчали.

ЮрМих с ехидством предложил второй вопрос:

Что происходит в сцене дуэли, когда «гремит о шомпол молоток»?

И снова мы пристыженно молчим. Пари проиграно?

Нас спас третий вопрос: что такое магический кристалл в строках

И даль свободного романа,

Как сквозь магический кристалл,

Еще неясно различал.

Это мы знали, и ЮрМих благосклонно

сказал что-то вроде того, что мы не безнадежны.

Какая черта запомнилась – прежде всего, артистичность натуры. Всесторонняя одаренность ЮрМиха сказывалась во всем: он был прекрасный рисовальщик, он на лету схватывал суть роли, которая вдруг выпадала на его долю. Например, на одном из посвящений первокурсников в студенты по традиции играли в шарады, и он предстал един в трех ролях. В первой части он как бы отмеряет какую-то материю, взвешивает ее на руке, чтобы показать – тяжеловата, проводит рукой по воображаемому ворсу и обратно – смотрите, как блестит, упаковывает, потом в роли покупателя берет сверток, куда-то его несет, приносит и – вешает распакованную материю на окно. Так, занавеска – ну, и что? Никто не угадал. Во второй части он изображал актера, произносил, отчаянно тараща глаза, беззвучный монолог и падал, изображая смерть. И опять – все в недоумении. Но третья часть была уж настолько прозрачной, что все разом закричали и захлопали: он прошелся, накиннув что-то на себя, подобрал какую-то скомканную бумажку, аккуратно расправил, свернул вчетверо, сунул в карман. Увидел стоявшую без пристрастия чашку и, воровато озираясь, тоже прикарманил. И все кутался, кутался в воображаемую материю – перед нами, без всякого сомнения, был Плюшкин, материя из первой части оказалась «плюш», а трагический актер – Кин.

Эта артистичность делала неповторимыми и его лекции. Однажды у нас (здесь я подразумеваю себя и своего мужа, Виталия Белобровцева, с которым уже с 16 лет мы составляли одно целое) вышел интересный разговор с женой ЮрМиха и нашим научным руководителем Зарой Григорьевной Минц. Она спросила, нравятся ли нам лекции ЮрМиха, и после наших восторженных воплей сказала: а чем именно нравятся? – Да ведь это настоящий театр одного актера, ответили мы. ЮрМих движется вдоль доски, он завораживает, он говорит страстно, он сыплет остротами эпохи, о которой идет речь, он жестикулирует...

Зара, или ЗэГэ, как ее называли студенты, с сомнением покачала головой – вот у них был Гуковский, это был такой театр, с которым ничто не сравнится. И тут

выяснилось, что она ни разу, просто ни разу не была на лекциях своего мужа. Мы взяли с нее слово, что она придет и послушает его. И она пришла. После лекции мы подошли к ней – и поняли, что попали в десятку: она была удивлена, нет, она была потрясена. И задумчиво сказала, что да, это будет поинтереснее, чем у Гуковского. Наверное, Гуковский был прекрасным лектором. Но ЮрМих...

На теории литературы мы изучали семиотику. Семиотика для нас начиналась с теории информации, азов кибернетики. И, когда Лотман объяснял нам, что такое черный ящик, он говорил: «Допустим, с другой планеты прилетело некое тело. Вы понятия не имеете, что оно собой представляет. И начинаете экспериментировать, записывать: нагрели до 50 градусов – сыграло вальс Шопена, посыпали сахарным песком – сказала: «Спасибо»». Запомнилось на всю жизнь. И с историей литературы было то же самое: идет лекция о декабристах, и ЮрМих отвлекается: Александр Якубович – запомните это имя, интереснейшая была личность. На Сенатской площади 14 декабря подскочил к графу Милорадовичу и спросил: «А что мне будет, если я усмирю этих людей?» – «Будешь прощен», – ответил Милорадович. Тогда Якушкин во весь опор подъехал к каре декабристов, встал в каре и закричал: «Да здравствует император Константин!». И, рассказав этот эпизод, ЮрМих возвращается в ту самую точку, с которой ушел в боковую ветку.

Ему был не чужд и черный юмор. Один из студентов нашей группы вдруг спросил его, каким же именно способом покончил с собой Сергей Есенин – перерезал вены или повесился. И ЮрМих с самым серьезным видом отвечал: «Сначала перерезал вены, потом обвязался бутылками с горючей смесью и пополз под вражеский танк».

Оказали ли труды Ю. М. Лотмана существенное влияние на Ваше профессиональное становление? Можете ли Вы назвать ту работу/те работы, которые стали востребованными в Вашей научной деятельности? Какие идеи, понятия, термины, приемы работы с текстом сохранили, на Ваш взгляд, актуальность для сегодняшних исследований?

И.Б.: Невозможно ответить кратко.

Как уже сказано, я была в семинаре З. Г. Минц, занималась, начиная со 2-го курса, творчеством Маяковского, Сергея Третьякова и «ЛЕФом». Меня посылали в научные командировки в Москву, я выступала на студенческих конференциях и как бы застолбила за собой эту тему. Но после публикации «Мастера и Маргариты» (я тогда была на 4-м курсе) сказала З. Г., что хочу писать дипломную о романе. Она всполошилась – как же так, уже есть публикации, даже какая-то премия на всесоюзном конкурсе студенческих работ, что же, пренебречь этим всем и – что будет? Неизвестно. Это должна обсудить кафедра. Кафедра, конечно, разрешила (научная работа в Тарту рассматривалась как главное дело студента), но с компромиссом – не «Мастер и Маргарита», а «Театральный роман» (под этим названием были тогда опубликованы «Записки покойника»).

Не ЮрМих, а З. Г. написала обо мне Елене Сергеевне Булгаковой (о причине см. в лотмановских «Не-мемуарах»), и к концу пятого курса у меня была готова дипломная работа. Я опробовала ее в докладе на студенческой конференции, где ЮрМих прямо-таки изнемогал от смеха, когда я доказывала истинность прототипов романа. Отличная защита, рекомендация кафедры в аспирантуру – казалось бы, чего еще желать? Но Лотману места в аспирантуре тогда не давали – ни хорошему курсу до нас, ни нашему. Оставалась роль соискателя. Я, разумеется, нацелилась на «Мастера и Маргариту», и тут ЮрМих сказал: «Булгаков не защищаем (да-да, и такие были времена), нужно брать другую тему».

Он сам ее придумал – «С. М. Эйзенштейн и советская литература 20–30-х годов» – и стал моим научным руководителем. Мою работу под его руководством я описала в статье «Как изображать Эйзенштейна: полу-мемуары о Ю. М. Лотмане» («Русская литература», 2012, №4), поэтому не буду повторяться, скажу только, что это было необыкновенно интересно. Диссертацию на эту тему я так и не смогла защитить – за полгода до защиты меня выгнали с работы в Таллинском пединституте и из соискателей в Тартуском университете за хранение и распространение запрещенной литературы. Интерес к Эйзенштейну у ме-

ня сохранился, несмотря на то, что у обеих моих диссертаций другие темы, – позже я написала статью о стеклянных домах у Эйзенштейна и Замятина, то есть Лотман вложил в меня интерес к семиотическому переводу с языка одного искусства на другой. Занявшись биографией и столкнувшись с пронизанностью любой биографии мифотворчеством современников, я оценила статью Лотмана «О проблеме работы с недостоверными источниками». Его «Беседы о русской культуре», в частности «Русский дендизм», легли в основу моей статьи «Русский дендизм: фоновая застройка», где обозначены типологические особенности этого явления в XX веке. Статья «Графическая серия – рассказ и антирассказ», опубликованная в разном объеме на разных языках, побудила меня в статье «Картина и ряд картин – “дьявольская разница”» пристально рассмотреть его взгляды на семиотику изобразительных искусств. Ну, и, конечно же, несчетное число раз мы с моим соавтором С. К. Кульяс обращались к лотмановскому комментарию «Евгения Онегина», когда работали над своим комментарием к «Мастеру и Маргарите». Это была своего рода беседа с учителем: какие-то его методы и приемы мы перенимали безусловно, с чем-то спорили, от чего-то отказывались. Подход оказался плодотворным – Комментарий принес нам Премию Эстонской Республики по науке.

На мой взгляд, по сей день сохраняет ценность семиотического подхода к любому явлению, и, когда в повестке конференции я вижу в названии доклада нечто типа «Асемиотическое...», я улыбаюсь, потому что асемиотическое – это тоже элемент семиотики, тоже встраивается в семиосферу, уйти от которой невозможно.

В «Тезисах к семиотике русской культуры» Ю. М. Лотман писал: «Действительность как бы ставит своей целью посмеиваться над исследователем-структуралистом, ломая его хитро придуманные модели». Как, с Вашей точки зрения, соотносится модель произведения, представленная Лотманом в «Структуре художественного текста», с современными постструктуралистскими подходами и методиками филологического анализа: происходит диалектическое «снятие», усвоение, развитие, конфронтация, отказ, дополнение?... Каковы

пределы и ограничения структурной семиотики в литературоведении? Или это универсальный подход «на все времена», в соответствии с высказыванием М. Л. Гаспарова, увидевшего в «Лекциях по структуральной поэтике» «набросок грамматики (...) для языков всех поэтических культур»?

И.Б.: Напомнив высказывание С. М. Даниэля и Р. Г. Григорьева о ренессансном масштабе личности Лотмана, хочу сказать, что эта модель, основанная на целокупности текста и предложенная им в начальный период его размышлений над семиосферой как подступы к осмыслению новой модели культуры должна была и имела продолжение и у него самого, когда он позже рассматривал текст именно как семиосферу, учитывая возможность его реализации на языках разных искусств, и у других ученых, пошедших по начертанному им пути вплоть до осмысления текста в категориях, например, мультимедиа. Я бы назвала современные продолжения моделирования текста диверсификацией.

«Труды по знаковым системам» убеждали, что мы живем в тотальной семиотической сфере, которую возможно изучить, структурировать, понять, интерпретировать. Увлечение структурализмом и семиотикой было всеобщим, что рождало чувство «локтя», «цеховой солидарности». В чем заключалось обаяние Тартуской семиотической школы, всего периода 1970–1980-х гг., когда каждая новая работа Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, З. Г. Минци, А. К. Жолковского, В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова и мн. др. приносила несказанную радость филологам «от Москвы до самых до окраин»? Возможно ли сегодня возникновение подобной, по-хорошему тотальной, научной парадигмы или наше время –

время спецификаций, дифференциации, «веера» автономных концепций?

И.Б.: Мне представляется, что обаяние этой школы строилось сразу на нескольких «китах». Во-первых, это было новое слово, противостояние импрессионизму, субъективности и бездоказательности тогдашнего литературоведения, заказывавшего обедню в научных журналах, на конференциях, в книгах. Ученые-семиотики осмыслили литературный текст не как идеологический документ, но и не как «сумму приемов», а как нечто цельное, построенное по особым законам, и идти путем автора, объясняя произведение, доказывая свое видение, было захватывающим предприятием. Во-вторых, поскольку позиция противостояния «семиотиков» «традиционалистам» вызвала отчаянное сопротивление не столько в научных дискуссиях, сколько в попытках «тащить и не пущать», работа в Тартуской семиотической школе была сладка, помимо всего прочего, и как запретный плод.

Наконец, эта новизна рождалась усилиями маститых филологов, занявшихся семиотикой еще и на глазах у начинающей научной молодежи, и в этом была, одолжу определение (не его первоначальное содержание) у Н. Н. Федорова, – «философия общего дела». Может ли это повториться? Очень хочется ответить «да», «а почему бы и нет?», «теоретически вполне возможно». Но наука – не вопрос веры и не объект предсказаний.

Беседу вела Н. В. Барковская, проф. кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета.

Данные об авторе

Белобровцева Ирина Захаровна – доктор филологических наук, профессор русской литературы Института гуманитарных наук, Таллиннский университет (Таллинн, Эстония).

Адрес: 10120, Эстония, Таллинн, Нарвское шоссе, 25.

E-mail: venefil@tlu.ee.

Author's information

Belobrovtsseva Irina Zakharovna – Doctor of Philology, Professor of Russian Literature at the Institute for the Humanities, of Tallinn University (Tallinn, Estonia).

Дата поступления: 24.02.2022; дата публикации: 30.03.2022 Date of receipt: 24.02.2022; date of publication: 30.03.2022